

- ⁹ *Schustereit H.* Vabanque: Hitlers Angriff und die Sowjetunion 1941. Herford; Bonn, 1988. S. 69.
- ¹⁰ *Streit C.* Op. cit. S. 128–130.
- ¹¹ *Полян П.М.* Указ. соч. С. 71.
- ¹² Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 334.
- ¹³ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 59.
- ¹⁴ *Полян П.М.* Указ. соч. С. 66–67.
- ¹⁵ Гриф секретности снят... С. 140.
- ¹⁶ Там же. С. 338.
- ¹⁷ Там же. С. 140.
- ¹⁸ Там же. С. 336–337.
- ¹⁹ *Полян П.М.* Указ. соч. С. 66.
- ²⁰ Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР: Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92.
- ²¹ Гриф секретности снят... С. 338–339.
- ²² Там же. С. 139.
- ²³ Там же. С. 140.
- ²⁴ Там же. С. 140–141.
- ²⁵ *Streit C.* Op. cit. S. 244–246.
- ²⁶ *Dallin A.* Op. cit. S. 440.
- ²⁷ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 399.
- ²⁸ Гриф секретности снят... С. 338.
- ²⁹ Там же. С. 131.
- ³⁰ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001. С. 237.
- ³¹ *Дембицкий Н.П.* Судьба пленных // Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. С. 236.
- ³² *Пронько В.А.* Цена Победы // Там же. С. 392.
- ³³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 144.
- ³⁴ *Streit C.* Op. cit. S. 244.
- ³⁵ ГА РФ, ф. 9526, оп. 3, д. 54, л. 53; д. 55, л. 135.
- ³⁶ Гриф секретности снят... С. 131.
- ³⁷ *Streit C.* Op. cit. S. 244–245.
- ³⁸ *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Указ. соч. С. 59.
- ³⁹ ГА РФ, ф. 9526, оп. 4а, д. 7, л. 125–126.
- ⁴⁰ Там же, д. 1, л. 62, 223, 226.
- ⁴¹ *Руденко Р.А.* Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта. С. 4.
- ⁴² История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. М., 1973. С. 390.
- ⁴³ Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 157.
- ⁴⁴ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1976. С. 369.
- ⁴⁵ *Streit C.* Op. cit. S. 259.
- ⁴⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. Т. 3. М., 1958. С. 130.

КАЛУГА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ:

дневник врача Михаила Устрялова

Среди документального наследия военных лет особую ценность представляют дневниковые записи рядовых советских граждан, очевидцев и непосредственных участников событий. Научная и общественная значимость этих источников состоит не только в том, что они дают возможность увидеть события прошлого глазами «простого» человека, жителя города или села, но и в том, что изначально по своей природе этот вид источника крайне малочислен в сравнении с большим количеством опубликованных официальных документов, постановлений, резолюций. Именно дневниковые записи

си несут в себе уникальную информацию о повседневной жизни населения в суровых условиях войны, которую невозможно обнаружить ни в одном другом источнике этих лет. Конечно, на содержание дневниковых записей накладывает отпечаток личность автора. В этой связи безусловный интерес представляет судьба калужского врача-психиатра М.В. Устрялова.

Михаил Васильевич Устрялов родился в 1892 г. в Петербурге в семье врача. В 1900 г. семья Устряловых переехала в Калугу, заняв дом, доставшийся главе семьи Василию Ивановичу по наследству (ныне ул. Первомайская, 39). Михаил и его старший брат Николай (1890–1938), ставший впоследствии политическим деятелем, кадетом, а затем одним из идеологов сменовеховства, учились в Калужской классической гимназии. По окончании учебы Николай поступил на юридический факультет Московского университета, а Михаил пошел по стопам отца и получил медицинское образование. В годы Первой мировой войны Михаил служил в русской армии, а с 1918 г., получив специальность врача-психиатра, жил и работал в Калуге. Братьев Устряловых в течение всех лет их жизни связывали дружеские, доверительные отношения. В 1918 г. Михаилу пришлось побывать в застенках ЧК. Когда Николай под угрозой ареста (как руководитель кадетской организации) вынужден был уехать из Калуги в Пермь, Михаил был взят в качестве заложника, но через некоторое время освобожден. Судьба Николая, сотрудничавшего впоследствии с колчаковским правительством, а затем эмигрировавшего в Харбин и репрессированного в 1937 г., не могла не наложить отпечаток на жизнь Михаила. В доме не раз проводились обыски: изымалась переписка с «харбинским сменовеховцем», книги, которые присылал Николай из Харбина. Слежка за Михаилом продолжалась и в годы Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствует документ, датированный 1942 г., – спецсообщение секретарю Калужского горкома от заместителя начальника городского отделения НКВД: «Устрялов – доктор медицины, беспартийный, работает врачом-психиатром в Калужской психбольнице, брат его расстрелян за шпионскую деятельность в пользу Японии; 10.07.1942 г. говорил: “Наше отступление на Южном фронте объясняется неподготовленностью и отождествляется с отступлением [под напором] немцев летом 1941 года, поражение наше возможно. Главная вина на командовании, кроме того, у армии нет стимула к войне, как это было в 1918 году, отдельные герои не спасают от общей пассивности”»¹.

При всех сложностях во взаимоотношениях семьи Устряловых с большевистской властью Михаила, судя по его дневниковым записям, вряд ли можно упрекнуть в антисоветских настроениях. Испытания, выпавшие на его долю, имели трагический исход. В мае 1943 г. от туберкулеза умерла его дочь Нина, а в 1944 г. из армии был демобилизован по состоянию здоровья сын Лева, который также вскоре умер от туберкулеза. Михаил Васильевич не смог пережить смерть детей. Также страдавший туберкулезом, он перестал лечиться и умер в 1944 г. (похоронен на Пятницком кладбище в Калуге).

Дневниковые записи сохранились в семье потомков Николая Васильевича Устрялова, проживающих ныне в г. Химки Московской обл. Это 11 ученических тетрадей, в которых Михаил Васильевич в 1941 г. ежедневно, позднее эпизодически делал записи обычными чернилами. Первая из сохранившихся записей датирована 28 ноября 1941 г. Эта тетрадь пронумерована цифрой 3. (Первые 2 тетради, по-видимому, не сохранились.) Последняя запись (тетрадь № 13) датирована 27 августа 1943 г. Публикуемый текст – часть дневника М.В. Устрялова, ограниченная временем от 28 ноября 1941 г. до 1 января 1942 г. Записи делались как в помещениях психиатрической больницы на Бушмановке, расположенной в 3 км от Калуги, так и в квартире Устряловых. В доме помимо Устряловых проживали другие жильцы («квартиранты»), поскольку дом после революции был «национализирован». В семье Михаила жил сын брата Николая Сергей (в дневнике – Ляля), так как его мать Наталья Сергеевна была сослана как «жена врага народа».

Текст публикуется по авторской рукописи, неразборчивые слова отмечены знаком: [нрзб], авторские примечания в тексте даны курсивом, дополнения к сокращенным словам помещены в скобки, датировка записей и орфография авторские, пунктуация

выправлена в соответствии с современными требованиями; небольшие сокращения отмечены угловыми скобками: <...>.

Публикацию подготовили доктор исторических наук В.Я. Филимонов и аспирант Д.Э. Миронов (Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского).

Публикаторы выражают искреннюю благодарность за представленные материалы Екатерине Ивановне и Наталье Сергеевне Устряловым.

28.XI. Пятница. 1941 г.

Сегодня вышел первый № местной газеты «Новый путь»². Продавался по 20 коп., раскупали в большом количестве. Редактор Е.Е. Бунескул. Есть в Калуге бывший офицер 10 полка Бунескул, потерявший обе ноги в мировую войну. Но зовут его иначе, так что это, должно быть, его родственник³. Газета содержит германские сводки, речь Гитлера от 8/XI, заметки и статьи, сообщения, конечно, вполне соответствующие германским взглядам. Формат, как была «Коммуна». Печатается в типографии бывшей железнодорожной, где выпускался «Политотделец». Главная типография пока не работает, но весь инвентарь и машины полностью сохранились. Первый номер «Нового пути» помечен почему-то завтрашним числом, 29 ноября. Газета еженедельная, но я слышал, что перейдет на выпуск 2 раза в неделю. Директором типографии – В.Н. Орлов, лет 30 работающий (почти все время был наборщиком) в Калужской типографии. <...>

Я был сегодня у Орлова, чтобы попросить его устроить на какую-нибудь работу Леву, который мучается и погружается в мрачные мысли, ожидает голодовки и стремится получить любую работу. Резко изменилось его поведение, он стал сварлив, неуживчив, принимает какой-то критически-поучительный тон. Вообще, нервы у него не в порядке. Его поведение раздражает, и в то же время жалко его. Работа должна, действительно, быть для него полезной. Сегодня утром я сам разволновался, и получилась тяжелая сцена. И вот я решил (вчера еще намеревался и ходил в типографию, но директора не застал) обратиться к Орлову. Тот принял меня чрезвычайно любезно. Говорит, что в будущем можно поставить Леву учиться машинному набору, а пока обещал подыскать что-нибудь другое, может быть, экспедитором газеты или еще что. Просил, чтобы Лева пришел к нему в понедельник 1.XII. Лева очень обрадовался и весь день сегодня был значительно спокойнее и в лучшем настроении.

Немец, любитель марок, вчера не явился, не был и сегодня. Неужели надует и ничего не заплатит? Как-то это не вяжется с представлением о «немецкой честности». *(Действительно, так и получилось: больше мы этого немца не видели (примеч. 3.XII.))*

Бомбежки Калуги с воздуха ни ночью, ни днем не было. Немецких самолетов сегодня опять много летало. Отдаленная стрельба (разрывы?) слышались и сегодня. <...>

1 декабря

Привез с Бушмановки 3 литра молока, а также муку пшеничную из горелого зерна, которую получил в обмен на пшеницу (тоже горелую): на 9 кг 600 гр. пшеницы получил около 9 кг муки. Мука цвета светлой золы, с довольно сильным «паленым» запахом. Получил карточки на себя и иждивенцев. Лева ходил утром в типографию к Орлову, безрезультатно: тот передает обязанности директора и ничего не может сделать. *(Директором назначен немец (примеч. 2.XII.))* Лева, конечно, опечален, да и мы за него тоже. В мое отсутствие наши купили 4 кг мяса (обменяли), у [нрзб] выменяли 1 курицу, у Ел[ены] Семен[овны] – 3 кг соли.

2.XII

Немецкие сводки скудно сообщают об успехах на фронте. Особо сообщается, что, ввиду отсутствия подробностей, надо полагать, что происходят крупные операции. По местным сведениям (от русского будто бы раненого) немцы на днях взяли Алексин, который долго удерживался советскими войсками. Третьего дня был у Рейсгоф и слышал,

что по направлению от Калуги на Москву фронт проходит тотчас за Наро-Фоминском, который в руках немцев, но постоянно обстреливается, и там пожары.

Вернулся 29-го в Калугу Чурилов, муж Ел[ены] Николаевны, живущей у Н.И. Громовой. Он попал к немцам в конце сентября близ Чернигова. Сумел не остаться в лагере военнопленных (был, с его слов [нрзб]. Так несколько дней). Человек ловкий.

Немецкое радио на днях передавало, что в плену находится сын Молотова Георгий Скрыбин: он выступал по радио (не то перед иностран[ными] журналистами) и опровергал советские сообщения о плохом обращении немцев с пленными и указывал на хорошую жизнь в Германии. Сам он находится в Берлине.

Наши соседи Рыбаковы⁴ вернулись из деревни, куда ходили за 25 верст в поисках продуктов. Для нас они наменяли 2 ф[унта] топленого масла и 2 кило свиного сала. Нынче принесли нам бесплатно 5 кило конины. Мяса у нас теперь много. А вот сладкого ничего нет. Рыбаковой мы поручили достать меду. В той деревне, где они были, мед есть, но крестьяне его далеко попрятали, т[ак] к[ак] там появились немцы, и жители боятся, что у них мед отнимут <...>

Принесли нам сегодня расчет на уплату квартиры. Платы: по 80 к[оп]. за квадрат[атный] метр, по 48 р[уб]. в месяц за квартиру. Платить надо за октябрь и ноябрь. Передавали по радиотрансляции об установлении налога на взрослое население: по 15 руб. с человека. Нина не расслышала, однократный ли это взнос или периодический.

С неделю уже, как объявлено о регистрации всех безработных во вновь организуемом Бюро труда. Должны регистрироваться мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 16 до 50 лет. Неясно, должны ли регистрироваться лица, почему-либо не могущие или не желающие работать. Раньше сообщалось, что население этого возраста может быть привлечено к трудовой повинности: освобождаются лишь больные с соответствующими справками. При горполиклинике устроена комиссия для освидетельствования на предмет освобождения от трудовой повинности.

3.XII

Пекли сегодня хлеб из пшеничной муки, привезенной мной с Бушмановки. Прибавлена была пшеничная «каша» (пропущенная через мясорубку парная пшеница, очищенная от горелых зерен) и немного ржаной муки. Хлеб вышел почти черного цвета с неприятным запахом и нехорош на вкус. Нет, не годится употреблять муку, смолотую из неочищенной пшеницы с жжеными зёрнами. Зато недурны оказались котлеты из конского мяса, которых было сделано 18 штук на 5 человек из 800 гр. (прибавляется вареная картошка вместо хлеба). Сытно пообедали и на ужин оставили по 1½ котлеты. Правда, после обеда была у меня небольшая изжога. Теперь бы сахару достать или меду. Очень чувствуется отсутствие сладкого.

В немецком сообщении о положении на фронте сегодня говорилось, что на московском участке немецкие войска в одном месте глубоко вклинились в линию обороны.

По карточкам 3-й день дают: спички 10 кор[обок], 1 кг соли или по 1 кг соленых огурцов и помидоров. Дают лишь по карточкам 1-й категории: работающим или главам семьи. Иждивенцам пока ничего не дают. Очереди большие, сначала давали только в б[ывшем] Раковском магазине⁵, но сегодня открыли 3 или 4 пункта. Мы еще не получили. Весь «паек», стóит 3 р[уб]. 20 к[оп]. Хлеба или зерна давать пока, видимо, не будут. Зато заявляют о предполагаемом открытии широкой сети столовых общественного питания. По радио призывают вернуть разграбленный инвентарь столовых; заявляют о покупке у частных лиц кухонной и столовой посуды. Похоже, что не очень скоро эти столовые откроются. <...>

5.XII

Дежурю на Бушмановке. Ехали сюда, когда еще не совсем рассвело. Восход солнца встретили уже за кирпичным заводом. Погода сегодня ясная, большой мороз – свыше 20°. В тулупе, однако, ехать не холодно. Тесновато было сидеть втроем: еще Васильева

и Самофалов (кроме кучера, сидящего впереди). Получил зарплату с 15.X по 15.XI; выдали полностью, и даже несколько почему-то больше: 738 руб. без 18 коп. Фактически же в этот период я в больнице не бывал.

Вчера поступили в психб[ольни]цу 22 б[ольн]ых хроника из колонии Богимово⁶, и сегодня еще 20 человек оттуда же: нынешняя группа ночевала в горбольнице. 10 человек из принятых вчера переведены сегодня из 4-го корпуса в 5-й (мой). А третьего дня мой корпус несколько разгрузился было, до 32 человек. Столовую сделали в обособленной палате, а в проходную (бывш[ую] столовую), которую на 2 дня совсем было освободили, теперь наставили коек.

Вчера приезжал в больницу Миленушкин знакомиться лично с положением; он по-прежнему возглавляет отдел здравоохранения Городской управы⁷. Предстоит рассмотрение сметы больницы; по-видимому, в штате изменений почти не будет, равно как и в ставках. Есть слух, что с января платить будут германскими марками, и ставка врача будет 600–700 марок в месяц. <...>

6.XII

Получил зарплату еще за 2-ю половину ноября: 285 руб. Но вышла ошибка, нужно было на 10 руб. больше. Дополучу в следующий раз. Учитываются и дежурства (по 45 руб.). Мне положительно неловко: ведь я работаю меньше других врачей. Но Васильева говорит: это компенсация за усиленную работу в августе – сентябре и начале октября.

Дома не горит электричество. Не только у нас, но по всей улице и во многих районах города.

7.XII

Вчера вышел 2-й № калужской газеты «Новый путь».

Продолжаются сильные морозы; сегодня как будто несколько легче, но все же градусов 20. В наших комнатах всего 6° по Реомюру⁸. Надел ватную куртку, и все-таки холодно. Сильно зябнут руки. Долго думал, но затем все-таки надел и пальто. Электричество не горит и сегодня. Должно быть, недостаток топлива. Крайне неприятно. Пишу при свете светильника; керосина мало имеем. А 3 дня тому назад была контролерша электростанции и «разрешила» пользоваться нагревательными приборами (будто бы разрешение было у нас раньше) за 32 руб. в месяц. А вот теперь тока вовсе нет! Был Митя Масленников. У них свет выключался, а затем загорелся.

Вчера получил паяк по 4-м талонам на служащего: 10 кор[обок] спичек и проч.

8.XII

На улице потеплело, градусов 6; у нас же в комнатах +5°R в спальне и около 6° в столовой. На рассвете Лева отправился с Мотей Пестриковой и ее сестрой в деревню Каменка за 13 километров с целью наменять муки. Взял с собою для обмена разные носильные вещи и мануфактуру с расчетом получить пуда 4 муки. Мотина сестра и Мотя рассчитывают обменять свои вещи тоже на 4–5 пудов. Взяли большие санки. По возможности хотели вернуться сегодня, но Мотя сомневается в этом. Сейчас 6½ час[ов] веч[ера], и их нет: очевидно, заночуют в деревне. Ходил с Ниной в диспансер. По дороге внес плату за квартиру (за окт[ябрь] и ноябрь по 48 руб.) в помещение бывшего магазина [нрзб] на углу Пушкинской и Георгиевской за верхом улиц. Улицы теперь переименовываются на дореволюционные названия. На многих висят дощечки с надписями: Кутузовская, Никитская, Богоявленская, Никольская и друг[ие]. Мы слышали, что надписи эти делает А.В. Фадеев⁹. Наша улица пока не переименована; по крайней

мере, не повешена еще табличка с прежним названием. Улица, где живет Петя, сохранила название Тульской.

Наша улица сверху от дома глухонемых¹⁰ до угла заполнена в два ряда немецкими автомашинами, среди которых 2 больших (8-дюймовых) орудия. Развешаны новые немецкие красочные плакаты с рисунками, содержащие извлечения из речи Гитлера от 2.X¹¹. Из этой речи видно, что октябрьское наступление немцев имело целью окончательно разгромить большевиков до наступления зимы. Задачу выполнить не удалось. Успех оказался частичным, хотя и большим.

Электричества по-прежнему на нашей улице нет.

9.XII

Утром идет снег, t° чуть выше нуля. Но в наших комнатах всего +6°R. Намереваемся поставить чугунную печь. Третьего дня в магазине б[ывшем] Ракова они продавались, а вчера уже нет. Будем искать у кого-нибудь. Купил вчера у «Ракова» флакон клею за 40 коп. Вместо сдачи с рубля дали 2 карандаша и 2 кисточки.

Вернулся во 2-м часу Лева. Привез 3 пуда пшеницы (чистой, не горелой), 2 кг баранины и к[илограмма] 1½ пшеничного хлеба. В обмен пошла мануфактура и ватная длинная куртка. Сейчас Лева был у Пестриковой и услышал немецкую радиопередачу о том, что Япония вступила в войну, и произошли уже морские сражения с американским флотом. Слышно было плохо, т[ак] к[ак] пестриковская трансляция, так же как и кузнецовская, действуют на одном проводе, а другой оборван.

10.XII

Очередное дежурство на Бушмановке. Д[окто]р Васильева рассказала, что вчера ее водили в немецкую комендатуру в гестапо. Пришли 2 немецких полицейских на Бушмановку. Но она уже уехала. Явились на дом часов в 5 и приказали немедленно идти; один шел впереди, другой сзади. Привели в бывш[ий] Кологривовский дом за Камен[ным] мостом¹² к одному из «начальников». Добивались у нее признания, что она коммунистка. Оказывается, поступило заявление от 6 или 7 бывших бушмановских сотрудников с доносом, будто она коммунистка (что на самом деле нет) и с жалобами на грубое отношение ее со служащими. Естественно, она отрицала свою принадлежность к партии и рассказала о тяжелых буднях больницы, когда ее грабили при активном участии самих служащих. Благополучно отпустили через 1 час с ¼. Доносчиков вызывают на сегодня в 11 час[ов] дня.

T° выше нуля, подтаивает, часов с 12 идет снег.

В больнице электричество горит. В кабинете и палатах тепло. Гудит ветер.

11.XII

5½ час[ов] утра. Сейчас вернулся с ночного обхода корпусов больницы. Дорожки заметены снегом, местами погружаешься на ½ аршина, так что даже в валенки попал снег. Ветер продолжает дуть с несколько меньшим ожесточением.

Много в Калуге людей, которые буквально голодают. Т. Отрокова на днях рассказывала о 2-х медсестрах, начавших пухнуть от голода. Даже имеющие работу не гарантированы от этого. На деньги почти ничего достать нельзя съедобного. На базаре была, говорят, картошка, по 4 руб. за килограмм, но и то быстро перестали продавать. Главным источником добывания продуктов является обмен. Далекое не у всех есть, что менять; кроме того, приходится для этого идти в деревню: чем дальше от города, тем выгоднее можно поменять. Некоторые ходили за 25 километров. Доктор Самофалов тоже голодает. Вчера просил взять его или его жену с собой, если от нас кто-нибудь пойдет в деревню.

Как посмотришь, мы в смысле питания находимся в хорошем положении. У нас есть картошка, мясо, масло, большой запас пшеницы. Чего очень хочется еще, так это сладкого. Лева же упирает на то, чтобы еще запастись зерна или муки. Выдачи по картошкам хлебных продуктов не предвидится, и вообще мало шансов на получение какого-либо продовольствия. Население считает и «надеется», что продовольственное положение улучшится, если будет взята Москва, и фронт отодвинется, а может быть тогда и ликвидируется. Возможно, что сами немцы распускают такие слухи. Однако Москва держится; третьего дня были слухи, что немцы под Москвой имели значительный успех; но немецкие сводки о решительных успехах не говорят.

Приехал домой в 5 час[ов] веч[ера]. Ехал один с кучером, т[ак] к[ак] Самофалов дежурит, а Васильева осталась в больнице ночевать. Поздно выехали, т[ак] к[ак] не было саней, уезжали в город на одних завхоз, на других завед[ующий] сельхозом; вернулись лишь около 4 час[ов] дня. Ехать пришлось начало пути в сумерках, а конец – в темноте. И все же на улицах встречались люди, хотя запрещено ходить по городу в ночное время, т.е. с наступлением темноты до рассвета.

Васильева передавала, что доноски на нее были наказаны немцами: высечены (кроме женщин). А фельдшер Тихонов, который по болезни ноги был доставлен в комендатуру на лошади, так и не вернулся. Ездившая справляться о нем Рейсгоф получила ответ, что он в комендатуре не был по болезни. Что-то странно.

Вкусные лепешки вышли из муки, намолотой из привезенной Лево́й 9.XII пшеницы. Сразу можно сказать, что это из пшеничной муки. Давно не было таких.

В последних немецк[их] сводках говорится о боях «местного значения» на Восточн[ом] фронте и указывается на наступившую «русскую зиму».

13.XII

Вчера весь день была оттепель. Сегодня – умеренный мороз; временами идет снег. У нас Сережа Ерохин: разбирает Юлины¹³ вещи в шифоньерке, которую увезет с собой, а часть вещей оставит, переложив в сундук. Его родственники не позволяют брать американские фотографии, позитивы, журналы: «Это нельзя иметь, Америка воюет с немцами». Вот до каких вздорных опасений дошло! Сереже предложили в Земской управе¹⁴ место агронома в Перемышле. Подумав, он согласился и вчера подал заявление. Известят на дом.

Сегодня вышел 3 № газеты «Новый путь». Там много о будущей хорошей жизни крестьян. В сообщениях о вступлении в войну Японии (с 8.XII) говорится, что у Гавайских островов потоплено 2 американских линкора, в другом месте потоплен америк[анский] авианосец. Есть в газете объявление об открытии кино для гражд[анского] населения. Откроется завтра, как узнал Ляля, немедленно отправившийся в бывш[ий] «Ударник»¹⁵. На 1-й день билеты все закуплены Городской управой.

Обменяли у Мар[ии] Сальниковой¹⁶ несколько прошивок и кружев на 45 фунтов картофеля.

15.XII

Вчера я носил (во 2-й раз) в редакцию «Нового пути» сочинения Розанова, согласно объявлению в № 2. Опять не было сотрудника, который хотел эти книги купить. Я оставил свой адрес. В 3 ч[аса] д[ня] он сам (Зубковский) пришел ко мне. Оказывается, это муж одной из дочерей – Наталии – свящ[енника] Ф.Д. Соколова. Поговорили. Денег с него я не взял; он обещал доставить несколько немецких [нрзб] журналов, а в дальнейшем даст прочесть русск[ую] газету, издающуюся в Берлине; даст книгу русского эмигранта-беллетриста «9-е термидора»¹⁷. Вообще, обещает снабжать интересными изданиями, хотя бы для прочтения. По-видимому, русские эмигранты в Германии, издающие газету, придерживаются взглядов бывших «умеренно-правых», отрицательно

относятся к Милюкову, пишут, что Россия будет «восстановлена»: создано большевиками положение, что восстановлена она может быть лишь при помощи Германии, т.е. признают, что будущая Россия окажется в длительной зависимости от немцев. Может быть, это германофильство – по необходимости: ведь в Берлине печатаются.

В связи с выступлением Японии Гитлер заявил, что Германия вступила в войну с США, причем ругал Рузвельта и плутократов: а с народом США Германия не хочет воевать. Обычная песенка для современных политических деятелей.

Есть отрадный слух, будто на днях дадут электрический свет населению с ограничением: одна лампочка не свыше 40 свечей на квартиру (комнату?).

Приходил Д. Ипатов. Работает теперь механиком водного транспорта; постоянно на холоду. Чувствует большую усталость. Недоволен, считает работу несоответствующей своему здоровью и возрасту. На днях он провалился в воду выше колен. Он сумел за это время приобрести ватные брюки и куртку, теплую шапку; достал 5 кубометров дров, свыше 6 литров керосину. Ежедневно обедает на службе, причем теперь стали давать по 250 г хлеба. Получает 600 руб. Но настроен плохо: еды недостаточно, с матерью и теткой не ладит. Мечтает покинуть Калугу. Раньше думал о Москве, теперь проектирует направиться к сестре жены на Вошь. Думает, что там условия жизни лучше, чем в Калуге. Для этого надо запастись разрешением немецких властей на проезд. Даже если дадут, удача сомнительна. Ведь неизвестно даже, осталась ли на месте его невестка. Вошь была полем военных действий, и наверно сильно пострадали города и села. Она жила, кажется, в Кременце, на территории б[ывшей] Польши, вблизи границы. Однако Д.Н. считает, что в Калуге он пропадет, не выдержит долго.

15.XII. 1941 г. [продолжение]

Вот и Бушмановка сегодня без электрического света. Утром ток был, хотя и с перерывами, а часов с 2-х света нет. А я надеялся на дежурстве попользоваться благами культуры – при ярком освещении почитать, пописать. Васильева поручила составить отчет за первые 9 месяцев 1941 г., из конторы дали папку с материалами. Однако писать приходится при «фитильнике», читать и писать можно лишь при напряжении зрения и заниматься отчетом не собираюсь в этом полумраке. Фитильник дала Рейсгоф, а то пришлось бы сидеть в полной темноте. Как дежурный врач принял в больницу одного больного: для Бушмановки он новый, а у меня в гор[одском] отделении несколько раз лежал. Это Глебов, в настоящее время с гебефреническими явлениями. Пришел он уже в сумерках, и отказать никак нельзя. А приди он днем, Васильева едва ли бы его приняла, хотя он имеет направление от Князевой из поликлиники и бумажку от Гор[одской] управы. Это будет, кажется, первый вновь поступающий прямо на Бушмановку больной за период немецкой оккупации. Другие поступившие больные мужчины (человек 5 за это время) возвращались как бежавшие или выписанные из Бушмановки же.

На западе от Калуги вот уже 3 дня постоянно бегают луч прожектора: по-видимому, это маяк, указывающий немецким самолетам аэродром. Но если так, то значит, немцы нисколько не опасаются советских самолетов, могущих, казалось бы, воспользоваться светом этого маяка для своих целей, во вред неприятелю.

16.XII

Делал ночной обход корпусов с 4 до 5 ч[асов] утра. Освещение почти отсутствует, по одному светильнику на корпус (на 2 корпус – плохо горящий факел) на каждое здание. Северная часть города светлее других, по-видимому, от света далеких прожекторов. Электрический маяк на западе потух. Домой приехал в 4 ч[аса] дня. Привез полученные в больнице 2 кг моркови, 6 кг ржаной муки, а также, как обычно, 3 литра молока. В мое отсутствие принесли от Зубковского 6 немецких иллюстрированных журналов.

17.XII

Лева вчера записался опять ехать на работу в Тихонову пустынь¹⁸ по разборке и погрузке горелого зерна. Теперь там работающие не получают питания – имей свое. Зато зарабатывают 10% от погруженного. Пшеницы как будто нет, грузят овес и ячмень. Левина партия поедет завтра или даже сегодня. Ляля в 10 ч[асов] утра отправился с Рыбаковой и Дроздовой в деревню километров за 25 с целью достать продукты, главным образом, масла и меду. <...>

18.XII

Ходили с Ниной в диспансер. Большое количество немецких автомобилей скопилось на Никольской улице. Когда мы возвращались обратно, машин стало меньше. По слухам, в Калугу на отдых с фронта приходят войска, называют 10, а то и 20 тысяч. Мимо нас ночью тоже ехали грузовики и подводы – книзу. А кто-то пустил слух, что немцы отступают. Очень мало походит на правду [этот] слух. Мы с Ниной видели, как привезли огромную елку на площадь против погребков. Там подготовлена яма для установки елки, на том же приблизительно месте, где стояла советская елка в прошлом году.

Завтра Николин день. В Николо-Козинской церкви звонили ко всенощной в 3-м часу дня и после. Колокола мелкие. Больше 20 лет не слышали мы колокольного звона. Народу в церкви бывает масса. Нина из любопытства пошла в 3½ час[а] с Полей Сидаевой, но вернулись, не дойдя до церкви: стало сильно темно. Вероятно, и в Георгиевской церкви звонили колокола (тоже мелкие), там давно повешены.

Лева получил сегодня 1 германскую марку за несколько старинных русских монет, проданных немцу через Васю Рыбакова: тот в течение трех дней работал у немцев близ боен чернорабочим. Получил обед, а при расчете еще 2 герм[анские] марки и баранью шкуру. Завтра уезжает на работу в дер[евню] Кожухово П.П. Чурилов. Он ездил туда на 3 дня, посмотрел и окончательно решил там остаться. Сегодня утром приехал, чтобы забрать жену и домашние вещи. У привезшего его крестьянина мы купили 2 мерки картофеля (за 5 пачек махорки). Сегодня же еще обменяли 1 метр хорошей бумази на ½ фунта сливочного масла и ¼ литра сметаны.

19.XII

Николин день. Опять звонили в церкви. Но праздника не чувствуется совсем. Людмила сделала манный пирог, утром позволили себе есть хлеб с маслом. Сладкого нет ничего. Воротившийся сегодня Ляля меду не достал, привез 7 кг мяса и 3 ф[унта] говяжьего сала. Сегодня в городе променяли 12 м[етров] материи на 1 пуд ржаной муки. Я возражал: довольно запастись зерна и муку, этого у нас хватит и так на ½ года, но меня не слушают. Объявлено, что на январь будут давать по карточке всему городскому населению по 1 кг ржи и 4 кг овса. Установлены жесткие сроки для получения (до 29.XII вкл[ючительно]) по буквам алфавита. Получать на вокзале, а выдают ордер в магазине близ управы. Странное распоряжение: невозможно в такой короткий срок в этих условиях удовлетворить 50 тысяч населения.

Немецкая сводка сообщала 2 дня назад, что на Восточном фронте происходит выравнивание фронта ввиду перехода на зимнее время к позиционной войне. Стало быть, кое-где немцы отступили. У нас слухи, что на нашем участке фронт значительно приблизился. Алексин будто бы снова в советских руках: возможно, что даже и Калугу немцы оставят. Последнее предположение весьма неправдоподобно. А между тем распространители слухов ссылаются на то, что эти сведения исходят от немецких солдат, которые еще даже добавляют, что в этом случае будут сожжены все дома в городе. Немцы, однако, готовятся праздновать в Калуге Рождество. Сегодня по радио объявили о сборе на завтра музыкантов и работников искусства по вопросу о проведении праздничных вечеров, приглашаемых перечислили по фамилиям, в их числе Павлишак¹⁹.

20. XII

На Бушмановке электрический свет есть, дежурю при хорошем освещении. В дежурной комнате, а также в корпусе тепло.

Сегодня часто гудят самолеты, очевидно, немецкие. Все же пущен слух, что утром где-то были сброшены бомбы. Я взрывов не слышал, ни едучи в больницу, ни находясь здесь.

Вышел 4-й № «Нового пути». Помещено изложение речи Гитлера в Рейхстаге 11.XII с нападками на Рузвельта и заявлением об объявлении Германией и Италией войны Соединенным Штатам. На первой странице – передовая статья, разъясняющая, что такое германский национал-социализм. Следующий номер выйдет 1 января – «праздничный». По-видимому, гражданское население будет отмечать Рождество так же, как немцы, по новому стилю. Это видно, например, из объявления поликлиники о том, что 25 и 26 декабря приема не будет. Но православная Церковь вряд ли будет праздновать по новому стилю.

21.XII

Пасмурное, туманное утро. С 4-х часов утра стреляют. Сначала редко – то ли выстрел орудийный, то ли разрыв. А с 7 ч[асов] утра (сейчас 7 ч[асов] 40 мин[ут]) определенно орудийная стрельба то одиночным, то сериями: слышится с западной стороны от Бушмановки. По-видимому, палит зенитная батарея, расположенная у базы. Слышится гул самолета (возможно, не одного). Разрывов снарядов не видно, так как видимость по состоянию погоды очень ограничена. Слышатся частые короткие пулеметные очереди.

В 10½ час[ов] вечера события развернулись потрясающие. Советские войска – близ города, за рекой. Днем по городу стреляли из орудий. Немцы развили сильный огонь орудийный и пулеметный. На всех почти перекрестках – пулеметы и орудия. Жителям приказали убраться из ближайших к реке улиц. Чернозубовы с матерью и сыном у нас. У нас же и И.И. Рахманов со старухой-матерью. Эти пришли, абсолютно ничего с собой не взяв. Сильный пожар в стороне Знаменской или Спас-Жировской улицы. Оказалось, что и нашу улицу будут очищать от населения. Много с собой не возьмешь. Кое-что собрали, но получились тяжелые тюки. К настоящему времени стрельба почти утихла, но все же раздаются орудийные выстрелы и пулеметная стрельба. Могут попасть пули в окно. Впереди что? Левы нет, он вчера утром отправился в Тихонову пустынь разбирать горелое зерно. Можем с ним разлучиться. Положение населения представляется худшим, чем когда бы то ни было. И подумать, что вчера вечером никаких особых трагедий не предвиделось. Забота была, главным образом, с питанием. Все относительно...

Ложились, не раздеваясь. Из Бушмановки я пришел вместе с Чернозубовой пешком в третьем часу дня.

22.XII

Прошла ночь. Спали все мало. Слишком тревожно настроение, да и стрельба мешала. Со стороны красных город артиллерией как будто не обстреливали. Немцы стреляли из орудий, пулеметов, автоматов, причем иногда казалось, что стреляют рядом. В девятом часу пришел Митя Масленников: они с Лизой очутились в таком же положении, как Рахмановы: их заставили уйти молниеносно, не дав ничего взять. Ночевали они у Журавлева. С нами Анна Ефимовна, которая сегодня была у нас вместе с Митей. Неизвестно, что за ночь сгорело. На Спасскую и Знаменскую улицы не пускают.

Сейчас 9 ч[асов] 40 м[инут]. Чернозубовы с полчаса, как ушли, намереваясь пробраться на Бушмановку. Рахманова собирается идти смотреть, цел ли их дом, но боит-

ся, т[ак] к[ак] стреляют. Летают немецкие самолеты. На улицах редко кто пройдет. Мы увязали узлы на случай, если погонят: может быть, не запретят кое-что взять. Предполагаем направиться тогда к Агнушиной сестре. Лева не возвратился пока. Митя передавал, будто кто-то слышал по радио, что в России власть сосредоточена в руках военного командования во главе с генералом Шапошниковым²⁰. Он будто бы и выступал по радио и указал, что основное теперь – успешно вести войну, а идеи коммунизма должны быть смягчены и подчинены основной цели.

8¾ час[ов] вечера. Днем шла сильная стрельба. В первом часу загорелось в городе в направлении на юго-западе от нас (после оказалось, что горит монастырский поселок²¹) и затем на Щемилровке. Этот пожар сильно взволновал квартирантов нашего дома: «зажгли внизу, скоро дойдут до нас», «надо выбираться». Но пожар кверху как будто не распространился и сейчас как будто заглох. Точно сказать трудно, т[ак] к[ак] опасно выйти на улицу, откуда было бы видно. Пожар монастырского поселка тоже почти погас. С ½ часа назад загорелось на юге, должно быть в районе Спас-Жировской ул[ицы]; сейчас пламя значительно уменьшилось.

Отчего происходят пожары? Немцы будто бы обвиняют партизан, другие утверждают, что дома загораются от советских снарядов. Особенно распространено мнение, что поджигают сами немцы. В этом случае надо вывести заключение, что немцы сомневаются в возможности отстоять город. Перед населением встает грозная перспектива остаться без крова в случае успеха советских войск. При частичных пожарах жители находят кров у знакомых, а когда всюду запылает? И еще: выселение происходит так спешно, что ничего не дают взять. Впрочем, это, кажется, не во всех случаях. Предусмотрительные наши vis-à-vis сегодня раз 5 возили куда-то вещи на салазках.

Все улеглись спать. Ночуют у нас 2-е Рахмановы, 2-е Масленниковы (пришли в 3-м часу) и Анна Ефимовна. Когда стихает стрельба, несколько успокаиваешься и начинаешь надеяться на то, что судьба смилуется. Рассудок же рисует трагические перспективы.

Днем сегодня был дан выстрел из винтовки в окно Рыбаковской квартиры, выходящее во двор. Пуля пробила стекло, нашу стену и диван, сделав в нем дырку. Людмила и Ляля были в столовой, я с Ниной в комнате Над[ежды] Ив[ановны]. Из людей никто не пострадал.

23. XII

Ночь прошла довольно тихо, особенно первая половина ее, часов до трех, когда очень редко стреляли. Ближе к рассвету стрельба усилилась. Всю ночь был пожар к югу от нас, то утихал, то сильно разгорался. Утром пожар затих. Пили чай в комнате Надежды Ивановны. Набрали снеговой воды (два ведра снега). Наблюдая в окно, на улице мы заметили признаки растерянности у немцев: бежали вверх, держась у стен, собирались у крыльца группами. Затем некоторые с угрожающим видом отстреливались, вглядывались вглубь дворов, держа винтовки наготове. Один даже направил автомат в милиционерский сад, но не выстрелил. Мы решили быть в коридоре, где представляется безопаснее на случай пули или осколков окон. В 12 час[ов] вошел в коридор немец и спросил, нет ли солдат или партизан, далее заявил, что он и его товарищи хотят погреться. Вошли еще три. Я пригласил в наши комнаты. Поговорили. Старший из них (унтер-офицер) производит впечатление приятное, человек культурный. Он с уверенностью заявил, что красные Калугу не возьмут, они находятся по ту сторону реки, но сюда не проникнут, а к завтрашнему дню будут оттеснены от реки. Он и его товарищи прибыли сюда только что. Очевидно, подтянуто пополнение. Дальше немецкие солдаты на улице перестали нервничать, ходили спокойно, винтовки за плечами. Бывшие у нас расположились у наших ворот, при них мотоцикл, на дворе у крыльца сложили несколько жестяных патронов (или мелких снарядов?). Стрельба шла уже порядочная. Летали немецкие самолеты, из окна было видно, как они за рекой пикировали, после чего слышались разрывы бомб, шла пулеметная стрельба.

24.XII

4½ часа дня. Вернулся Лева 1 час тому назад. Ночью стреляли умеренно. Мимо нас ночью прошли немецкие войска и машины книзу. В 9 ч[асов] утра узнали, что выселяют жителей с улиц Работниц (нижней части) и Первомайской ул[ицы], [тех, кто живет] ниже колонки. Имущество можно вывозить. Нас пока это выселение не касается; однако следующий этап, как подумать, наш район. Свезли на 2-х санках некоторые вещи к Пете. Ходили к Агньюшиной сестре, но их квартира заперта. Ходили Людмила, Нина и Ляля. Часа в 2 дня начался пожар в начале Проломной ул[ицы], близ Пятницких. Сейчас продолжается, поднимаются снопы искр. Лазивший на чердак Ляля говорит, что территория пожара невелика. Есть еще другой пожар, за казармами.

Анна Ефимовна ушла в больницу на работу и, видимо, осталась там. Митя Масленников ходил в управу. *(Митя там узнал, что дом, где жили Рахмановы, сгорел. Что сгорел дом Смирновых, где жили Масленниковы, было известно уже 23-го, в день пожара его.)* Потом туда же – Ив[ан] Ив[анович] Рахм[анов] с матерью. В центре города не замечается суеты и большой растерянности.

10 час[ов] вечера. Кажется, советские войска отступили. Стрельба прекратилась. Силаева-мать получила распоряжение явиться завтра на работу (она работает на водокачке), ей сказали, что советские войска отошли к деревне Большие Козлы (километров 13). Можно надеяться, что выселяться не придется. Часов в 5 утра разорвался снаряд с бывшим [нрзб] где-то близко; стекла, однако, в нашем доме целы. Мы перешли в коридор, в дальнейшем не было близких разрывов и вообще, должно быть, стрельбы по городу. Часа через два пришла весть об отходе советских войск. А о Кате Силаевой нет сведений с 21.XII, дня первого обстрела города советскими войсками. Она пошла работать на водокачку и так и не вернулась. Можно предположить плохое. Силаевы надеются все же, что она жива, и только не позволяют ей уйти, так же как не позволяют пройти в этот район. Однако, скорее всего, с ней несчастье.

Пожар на Проломной [улице] ограничился 1–2 домами. Огонь за казармами также отгорел.

25.XII

Рождественская ночь... 4 часа 15 минут утра. Полыхает пожар очень близко, должно быть, горит 1-й снизу дом по Черновскому переулку, в том же направлении, как недавно потухший на Проломной ул[ице], но ближе к нам. Загорелся он, по-видимому, от пущенного с советской стороны снаряда. В начале 3-го часа нас разбудили два громких звука разрывов. Стала стрелять и немецкая артиллерия. Мы не вставали. А в половине четвертого я заметил сквозь темную штору свет: подошел к окну и увидел, что ярко горит за б[ывшим] Петрухинским домом. Разбудил своих, оделись полностью. Из окна Лялиной комнаты видел сильный пожар в промежуток между домами: жарко горят 2 деревянных строения. Погода тихая, пожар едва ли сильно распространится. Ребята вставать не стали. Людмила и Нина опять легли, но Людмила даже в шубе. У нас узлы наготове, часть уложена на санки. Сейчас (4 час[ов] 40 мин[ут]) огонь значительно ослабел. Все же странно, что, как правило, систематически возникают пожары все в одном районе и идут от окраин к центру. Советская артиллерия метит хорошо, и снаряды имеют большое зажигательное действие. Все же есть некоторое сомнение, от советских ли снарядов загораются дома... Вот тебе и отогнали большевистские войска!

Сейчас был какой-то странный треск близ нашего дома, несколько похожий на негромкую пулеметную стрельбу. Не пойму, что такое. Пулеметной стрельбы нет. Далеко еще нельзя быть спокойным. 1 час дня. Нет, положение на фронте, видимо, мало изменилось, стреляют часто орудия из города. Утром то и дело раздавался своеобразный звук пролетающей и ударяющей во что-то пули. Стало быть, красные близко. И сейчас слышится этот звук, но реже. Силаевы слышали, будучи в городе, что вчера красных действительно отбросили на десяток километров, но за ночь они вновь приблизились.

Горят казармы на углу. В нашем доме в крыше оказалась пробоина от снаряда – с южной стороны близ брандмауэра над парадной лестницей. Размеры такие, что можно человеку высунуться. Это оно, видно, пробито вчера в 5 ч[асов] вечера или ночью в 3-м часу. За рекой горит в деревнях, одна из них Пучково. Самолетов что-то нынче не видно и не слышно. Сказать «мы живем как на вулкане» было бы неверно. «На вулкане», несомненно, жить гораздо спокойнее.

2 ч[аса] ночи 25–26.XII

Вечер прошел довольно спокойно. Днем в начале 3-го [часа] немецкие самолеты, как и накануне, бомбили очень близко отсюда, приблизительно не доходя Покрова. Советских снарядов в недалеком расстоянии от нашего дома не падало. Вторую половину дня стрельбы было мало. Мы предполагали было ночевать в комнатах Сальниковой (которой нет) из-за того, что они обращены не в сторону фронта; однако потом решили ночевать на прежнем месте. Надо признаться, что чувствуется немалое стеснение от присутствия 4-х иждивенцев, которые затрудняют нас и в выборе места для пребывания, и в вопросах продовольственного свойства. Люди, конечно, несчастные, но все же надо бы им проявить больше инициативы в вопросе об устройстве своей жизни, не полагаясь на нас. Как-никак у Масленниковых большая протекция в верхах Гор[одского] управления, а Рахмановы вообще нам не близкие знакомые.

Поднялся я во втором часу ночи из-за внезапно поднявшейся сильной орудийной пальбы. Минут через 10–15 стало просвечиваться за оконной занавеской, как я и подумал (не впервые это пожар против наших окон за домами Петрухиных; ярко освещен Краузеvский дом). Горит приблизит[ельно] район дома Кусковых. Есть небольшой ветер, восточный. На всякий случай оделся (спал я, сняв лишь шубу, куртку и валенки). Сильная стрельба продолжалась менее 16 минут. Пожар пошел на убыль минут через 25. Сейчас (2½ час[а]) он совсем почти прекратился. Весьма сомнительно, чтобы ближний пожар произошел из-за попадания снаряда. Артиллерия стреляла едва ли не исключительно с «нашей», т.е. немецкой стороны. Может быть, подготовка атаки? Сейчас редкие выстрелы. Пулеметной стрельбы не было слышно, но ведь в окнах двойные рамы, и с линии фронта они могли бы и не докатиться.

Наши заснули опять, кроме Над[ежды] Ив[ановны], которая соблюдает полную тишину, но наверно не спит. А ночующие в комнате Надежды [Ивановны] «беженцы», видимо, и не просыпались: по крайней мере, они не отзывались мне, когда я, проходя на крыльцо, чтобы получше ориентироваться в угрозах ситуации, трижды окликнул их.

28.XII.1941

Мы выселены. Вчера в 1 ч[ас] дня явились немцы и приказали всем жильцам дома немедленно выбраться. Для устрашения стреляли из автомата (в пол). Вещи были у нас заранее упакованы, и мы через 3–4 минуты были уже во дворе с нагруженными санками и кульками в руках. <...>

Явились к Зевакиным, любезно согласившимся принять нас у себя. Заняли 2-ю, бывш[ую] Колину комнату: Коля, оказывается, переселился с женой на другую половину дома. В нашей комнате имеется кровать с матрасом, туалетный (вроде письменного) столик, шкаф, угловой столик-божница, 4 стула. Сильно холодно в комнате, не выше 4-х градусов. К ночи, после топки печки и открытия отдушника, стало град[усов] 5–6. Людмила через 1 час пошла с Ниной обратно в наш дом с надеждой, что дадут кое-что привезти. И действительно, без препятствий (немцев в доме не было) привезли много, как то: весь запас хорошей пшеницы (около 3 пуд[ов]), подушки, одеяла, ведро, керосин, лампу-светильник, мясо и сала и проч. Сварили (на обед и ужин вместе) мясной суп с молотой пшеницей с прибавлением консервир[ованной] вермишели с мясом.

29/XII.[19]41 г. Понедельник

По многим признакам Калуга будет оставлена немцами. Сегодня ночью, как говорят, был взорван ж[елезно]д[орожный] дом близ Брынского моста. Опустели казармы, и народ тащит из Московских казарм картошку и другие запасы. Слышно, что расхищают и склады у вокзала. Идет стрельба: нам слышна главным образом артиллерийская, но иногда и пулеметная. Последняя доносится с южной стороны, в направлении б[ывшего] Краузевого дома, но может быть и не там. Изредка падают советские снаряды: в районе, где мы теперь живем, пока не попадают.

Мы свезли сегодня на квартиру Сережи 2 узла с вещами. Вещей и продовольствия мы захватили много (Людмила, Нина, Ляля, Надежда Иван[овна] [нрзб] вчера еще принесли много из нашего дома), удалось бы мне их сохранить. Предстоят еще тяжелые части. От Сережи я привез сухих дров топки на 3–4. У Пети дрова сырые, горят плохо; затруднена варка пищи. Теперь будет лучше. <...>

По слухам, советские войска продвигаются к Калуге и с востока (из Турынина гонят немцы жителей), и с запада: на Угре прошлой ночью был будто бы бой. Удерживаются они и за рекой под городом. Советских самолетов не замечается, немецкие летают иногда. Все-таки у Пети жить спокойнее, чем в районе Первомайской улицы. Что будет дальше, конечно, неизвестно.

Нашлась Катя Силаева. Наши ее вчера встретили на улице исхудавшую, бледную. Она спешила и о том, что с ней было, не рассказала.

Спим, сняв только шубы. В комнате стало несколько теплее: 6½ градусов по Реомюру в 1 ч[асу] дня, до топки печи. Вероятно, печка нисколько не нагревается, и только после топки из отдушины идет теплый воздух.

30.XII.[19]41 г.

Сегодня ночью красные войска заняли Калугу. Радостно это освобождение от немцев! Всюду оживление, красноармейцев приветствуют. Вчера вечером было много взрывов и пожаров. Сожжена бывш[ая] детская поликлиника на Интернациональной улице и другие каменные здания: Московские казармы и другие, какие, пока точно не знаю. Была необыкновенная тишина вечером и в начале ночи; в 1-м часу часто стреляли из пулеметов и винтовок; потом опять тихо. Когда рассвело, мы выглянули наружу из парадной двери, и оказалось, что идут красноармейцы. Тотчас же я, Лева, Ляля и Нина пошли домой узнать, что там творится. Двери квартир (кроме Громовской и Дроздовской) взломаны или открыты (Кузнецовская – был ключ в двери), всюду, а особенно у нас, полный хаос: все перерыто, разбросано по полу. Искали, видимо, мелких ценных вещей, а крупных не утащили. Это немцы понаделали.

31.XII

Вчера перебрались домой. В наших комнатах –3°, у Над[ежды] Иван[овны] +1°, к вечеру +3°. Сегодня веч[ером] у Над[ежды] Ив[ановны] около 5°, в наших комнатах –0.5. Мы ночевали у Над[ежды] Ив[ановны] и еще несколько дней проживем у ней. Понемногу убирался у себя, но мешает холод. Пока обнаружили пропажу 2-х биноклей, лампы, примуса. Нет, кажется, и облигаций советск[их] займов, которые были, насколько помнится, в письмен[ном] столе. От Пети перевезли вчера часть (меньшую) вещей. Сегодня не ходили.

1942 г., 1 января. Четверг

Новый год. Что-то он нам сулит? Начался он благоприятно для Советского Союза: немцы подвигаются назад, советские войска бодры. Калуга 3-й день опять советская. Читал «Комсомольскую правду» от 24.XII. Содержание – в прежнем духе. Передают,

что Калинин, Орел и Курск также наши. Немецким войскам, отступившим от Калуги, будто бы отрезали путь отступления.

Уже вернулся в Калугу председатель горсовета Тимарев и горсовет начал функционировать. Издан 1-й приказ Военного командования о времени ходьбы по улицам (8–18 час[ов]), сдаче трофейного имущества и проч.

Умерла Кондратьева, также старик Разин. Убит немцами священник Гречанинов. Убиты 2-е жильцов из б[ывшего] дома Соколовских, еще будто бы П.П. Соколов (в Черновск[ом] пер[еулке]). Ночью при взрыве – Изотов с женой. О Щербачеве рассказывают, что его расстреляли, есть слух, что сами немцы. Кудрявцев²², говорят арестован. Расстреляны будто бы многие полицейские. Сгорел радиоузел, здание почты, дом против [нрзб], где была ж[елезно]д[орожная] столовая; взорвана и сгорела бывш[ая] гостиница Заверина на Интернациональной ул[ице]. Сожжен угловой новый дом на углу ул[ицы] Революции по Михайло-Архангельск[ому] пер[еулку]. (Это оказалось неправдой. (7/1.[1942 г.] Водокачка уцелела (несколько повреждена). Неслышно, чтобы пострадал ЦЭС.

У нас дома вернулись все квартиранты кроме М.Н. Золотовой (также Кузнецовых). У Рыбаковой сгорела в деревне бывшая там часть имущества. Многие деревни были сожжены немцами при отступлении. Д[окто]р Рейсгоф уехала вместе с немцами, по-видимому, по их принуждению. Погоревшие Васильева и Самофалов с женой живут на Бушмановке. Немцы угнали с Бушм[ановки] всех лошадей кроме одной. Лева за эти дни привез 2 задние ноги лошади на продовольствие: лошади были убиты близ реки.

Дом Чернозубовой сгорел, также и соседний дом Гнедько. Последние поселились в нашем доме в б[ывшей] квартире Соколовых, под нами. Кое-какое имущество, хранившееся у них в убежище, где они и сами сидели, сохранилось.

Орудийная стрельба все же слышна. Митя Масл[енников] передавал, что сегодня ночью стреляла наша батарея, расположенная у Загородного сада. Выходит, что немцы отступили пока не очень далеко. Но никто не допускает мысли, что они могут вернуться в Калугу. При отходе брошено много автомобилей ([нрзб]), несколько орудий, 2 танка подбитых. Другое военное имущество и сохранившиеся запасы продовольствия, запасы горючего были взорваны.

Дом Пятницких уцелел, также соседний дом Ивановых, где живет [нрзб]. Имущество тоже сохранилось и сами они целы, теперь у Пятницких живет И.И. Рахманов с матерью.

Улица Салтыкова-Щедрина выгорела почти вся, на южной стороне уцелело лишь 2–3 дома (между прочим, дом Спасского), на северной – несколько больше. (Неверно: дом Спасского сгорел. Уцелел лишь дом бывш. Витман (позднейш[ее] примечание[ие].) На Знаменской также сгорело множество домов, в том числе дом С.Н. Смирновой. Что с ней теперь, неизвестно нам. Мы слышали, что когда немцы выгоняли из дома жильцов и поджигали дом, Соф[ия] Ник[олаевна] не могла идти и ее немцы вынесли и поместили в Знаменскую церковь. Соф[ия] Ал[ександровна] Попова и Мар[ия] Ал[ексан]др[овна] пережили события благополучно. Митя теперь опять с ними, а последнюю неделю прожил в другом месте.

Примечания

¹ Государственный архив документов новейшей истории Калужской области, ф. 2, оп. 10, д. 19, л. 91.

² Газета «Новый путь», печатный орган оккупационных властей Калуги. Издавалась с 28 ноября по 20 декабря 1941 г. под девизом «Против большевизма за свободу и хлеб».

³ Речь идет о Евгении Григорьевича Бунескуле, офицере Новоингерманландского полка в 1914 г., Георгиевском кавалере, знакомом К.Э. Циолковского и о его сыне Евгении Евгеньевиче.

⁴ Рыбаковы жили в бывшей усадьбе Устряловых.

⁵ Магазин на углу современных ул. Ленина и Кирова (бывший «Детский мир»), построенный в 1909 г. купцом П.С. Раковым.

⁶ Богимово, село Ферзиковского района, усадьба Былим-Прончишевых. Здесь с 1936 по 2005 г. располагалась психиатрическая больница (психиатрическая колония, реорганизованная в отделение областной психиатрической больницы).

⁷ Городская управа – административный оккупационный орган (глава Н.С. Щербачев), располагалась в здании Калужского зооветеринарного техникума (ул. Герцена, 34).

⁸ Температурная шкала предложена в 1730 г. французским естествоиспытателем Р.А. Реомюром, который описал изобретенный им спиртовой термометр. 1°R равен 1.25 °C.

⁹ А.В. Фадеев (1878–1942), выпускник Строгановского художественно-промышленного училища, бывший учитель рисования в реальном училище, научный сотрудник Калужского художественного музея.

¹⁰ Имеется в виду областная школа-интернат для глухонемых детей.

¹¹ Речь идет о радиообращении А. Гитлера к нации по случаю открытия кампании «Зимней помощи» от 3 октября 1941 г.

¹² Здание Краеведческого музея (ул. Пушкина, 14), бывшая усадьба Золотаревых-Кологривовых.

¹³ Юлия Дмитриевна Ерохина, двоюродная сестра М.В. Устрялова.

¹⁴ Земская управа была создана оккупантами для административного управления Калужским районом.

¹⁵ Кинотеатр «Ударник» (дореволюционный синемаграф «Унион») располагался в здании нынешнего Театра юного зрителя на ул. Театральной. Показывали музыкальный фильм «Королевский вальс».

¹⁶ М. Сальникова проживала в доме Устряловых.

¹⁷ Вероятно, имеется в виду роман М.А. Алданова «Девятое термидора» из тетралогии «Мыслитель».

¹⁸ Имеется в виду территория закрытого после революции 1917 г. мужского монастыря Успения Пресвятой Богородицы Свято-Тихонова пустынь. В 1918 г. монастырь был объявлен «первым советским культурным хозяйством им. Ленина». С начала 1920-х гг. здесь размещался сельскохозяйственный техникум для инвалидов, через некоторое время в стенах обители была расквартирована воинская часть.

¹⁹ Андрей Яковлевич Павлишак, отец известного калужского художника И.А. Павлишака.

²⁰ Вероятно, имеется в виду маршал Б.М. Шапошников, в июле 1941 г. – мае 1942 г. начальник Генштаба РККА.

²¹ Монастырский (Кооперативный) поселок располагался на территории бывшего женского Казанского монастыря. Здесь оккупанты создали еврейское гетто.

²² С.Д. Кудрявцев, помощник городского головы во время оккупации.

Перипетии войны

С детства сохранилась в памяти краткая надпись на немецком языке – «К шоссе», сделанная черной краской на одном из белых каменных уступов над ступенями старой симферопольской лестницы, вырубленной в Петровских скалах и спускающейся к дороге, ведущей в Ялту. Пожалуй, в ту пору для меня это было единственное непосредственное свидетельство о периоде немецкой оккупации Крыма, чудом сохранившееся в заброшенном городском углу. Несмотря на то что моя бабушка пережила оккупацию в Ялте, почти все, что я знал о том времени, носило на себе печать позднейшей редакции: книжки, посвященные борьбе крымских партизан и подпольщиков, их выступления перед нами, тогдашними школьниками и т.д. Специальных разысканий по истории войны и периода оккупации никогда не вел. Кое-что из прочитанного позднее, конечно, внесло в сформированный с детства образ существенные коррективы. Но 2 сравнительно недавно опубликованных личных дневника*, создававшихся главным образом в занятых немцами Ялте и Симферополе, я читал, словно заново открывая для себя хорошо знакомые здания, улицы, спуски и переулки, у которых, оказывается, еще до меня, была такая история! В этих за-

* *Лашкевич Х.Г.* Дневники [1941–1942 гг.] // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. Специальный выпуск: Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования. Вып. 5 / В.Ф. Козлов (глав. ред.), А.В. Ефимов (зам. глав. ред., сост.). М., 2003. С. 232–332; *Хабарова З.А.* Дневник [1939–1944 гг.] // Там же. С. 333–376.